
Мечислав Курилович
Вчерашние святыни

Мечислав Курилович

Вчерашние святыни

Стихи

«Гродненская типография»
2008

УДК 821. 161. (476)-1
ББК 84(4Бен=Рус)-5
К93

Курилович М. П.
К93 Вчерашние святыни: стихи /Мечислав Курилович. – Гродно: «Гродненская типография», 2008 – 128с.

ISBN 978-985-6835-32-5

Стихи Мечислава Куриловича, врача по профессии, отражающие события недавнего прошлого, писались в бытность Союза, безо всякой надежды на опубликование. Это – плод невыдуманной автобиографии: искренняя исповедь о бывшей «доступной и бесплатной» медицине, о репрессиях после войны, когда началась борьба с бандформированиями, о Горбачёвской перестройке и развале СССР. Это и философские рассуждения о добре и зле, о поэтическом творчестве претендентов на парнасские высоты, и эмоционально - проникновенная лирика о любви.

УДК 821. 161. (476)-1
ББК 84(4Бен=Рус)-5
К93

ISBN 978-985-6835-32-5 © Курилович М.П. 2008
© Оформление ГОУПП
«Гродненская типография», 2008

Доступная
и бесплатная

Подачкой влетела синица,
Не лебедем с выси небёс,
И просится сердце напиться
От счастья, от счастья до слёз.

***

Бесплатно, судьбе в назидание.
Как вскачь подсказали Советы,
Мы лечим людское страданье
Огрызком убогой монеты.

И смотрим в ущербные очи,
Звенящей подачке у храма,
И знаем, что будет короче
С фатальной развязкою драма.

Диспансеризация

Верой светлой любви,
Иль рассудком от боли,
Ты её не зови –
С ней мы съели пуд соли.

Это наша дорога
И тернистая гать,
Где идею от Бога
Никогда не догнать.

Кадры

Мудрствуя, лавируя,
Расшибая лбы,
Страхом цементируя
Монолит толпы,

С залихватской поступью,
Грубо, то игриво,
Топором и подступом
Правит злая сила.

И ещё – двурушное
Большинство слепое,
Идолам послушное
И всегда немое.

Пятиминутка

Не в радость трибуне
Воскресшие кличи,
Что мечутся втуне
На чьём-то обличье,

И эхо секиры
С предвестьем расправы…
Послушный и сирый…
Ну, кто ещё бравый?

Страх совесть не судит,
А дух больной страсти…
Замолкшие люди –
Бессилие власти.

Профессорский обход

Шеф развёл руками,
И нахмурив брови,
Поискал глазами:
«Где анализ крови?»

Точность филигранно
Рассчитав до цента,
Выскочил на финиш
Претендент в доценты.

Посмотрев анализ,
Шеф поплыл в улыбке,
Остроумно, метко
Осудил ошибки…

И все восхищённо
Улыбались мило,
Старший ординатор
С кожи лез без мыла…

Укусив однажды
Ломоть сдобной ренты,
Пели дифирамбы
Хором ассистенты…

И второй профессор
На высокой ноте
Догореть старался
С блеском на работе.

Лектор

Бубнит балалаечно, долго,
О рае и пекле толкуя.
С Афганскою памятью долга
Ребятам готовится сбруя.

Кинжальные смерчи Авгана,

И страшная тайна спецгруза* –
Кровавая, чёрная рана,
Могильная рана Союза.

*– цинковые мальчики

Политучёба

«В Америке жизнь всё дороже,
Там пухнут от голода дети...
По нашим подсчётам, похоже
Им черти расставили сети.

Страна безысходности чахлой,
С корявой, убогой судьбою…
Америка кровью пропахла
И горькой солёной слезою.

Миллионы, не меньше, без крова…
С богатством и шиком враждуя,
Живут без надежды, сурово,
И руки целуют буржуям.

От сна пробуждаются массы,
Рабочей огранкой играя…
Америка с правящим классом
При жизни гниёт, умирает.

Америка прерий, ковбоев
И ястребов взлёт над страною,
Где право моральных устоев
Осталось замолкшей струною.

Какое сравнение с нами,
Где люди в достатке – ликуют,
Где землю, обвитую снами,
От счастья, от счастья целуют».

Вечер,
посвященный 25-летию
«Движения
за коммунистический труд»

Пришли… По повеленью…
Под барабанный зов…
И верим (без волненья) –
К труду привьём любовь,

Чтобы затем по сводкам
Летело, как «ура»,

Что вечер был без водки
Что мы – Страна труда;

Чтобы могло начальство
Открыть пирожно рот
И с гордостью, без чванства,
Сослаться на народ,

На подвиги… (без оных) –
Откуда же их взять,
Коль нужно так зловонно
Себе и людям врать?

8 Марта

Любовь и цветы в этот радостный день,
Мужчины с заметным усердьем,
За свет и улыбку, что даришь взамен
Тебе преподносят, как сердце.

Ты стала фигурой в свершеньях лихих,
В охране здоровья – героем.
И нет больше сфер в нашей жизни таких,
Где б женщина была изгоем.

Торопишься всюду быть в жизни ведомой,
Рождаешь в работе почин,
Лишь только не можешь к услугам роддома
Послать своих милых мужчин.

Мы славу поём героине времён,
Извечному пламени страсти.
Прими в этот день и мой низкий поклон,
Прими, дорогая, на счастье.

Первомайская демонстрация

Я молюсь Первомаю,
Транспарантной весне,
И другого не знаю
Наяву и во сне.

И скребется мне в душу
Пролетарский пролог,
что шестая часть суши –
Лишь начало дорог.

Полыхают знамёна
С пятикрилой звездою.

И несётся с амвона:
«Как любим я страною!»

Жаль, что кроток миг счастья
С первомайскими снами,
Когда, *горькую* власти
На халяву пьют с нами.

Жаль, что мало так надо
Нам, от этой планеты,
Жаль, что дышат на ладан
Очень долго Советы.

Парадная эмблема

Впереди колоны
(На троих – хоть плачь)
Будто бы с иконой
То пешком, то вскачь

До черты, что рядом,
Где трибуна слуг*,
Где встречает взглядом
Нас генсек**, как друг:

И я вместе с вами,
И привет рукой,
И двумя руками –
Жест над головой.

И в ответ, как другу,
Будто со двора,
Взрывает округу
Мощное ура.

*– депутаты.
**– секретарь обкома КПСС

Дачи

Подачкой влетела синица,
Не лебедем с выси небёс,
И просится сердце напиться
От счастья, от счастья до слёз.

Дохнуло пьянящей свободой
От загнанных вскачь неудач,
Строительным бумом и модой
На право владением дач.

В шальном отголоске веселья,

На гребне вспорхнувшей волны,
Воскресли пьянящие хмелем
Подспудно дремавшие сны.

И сказкой карьерною скачет
Судьбы Ариаднина нить
Людей, что взглянули иначе,
Как нужно шесть соток ценить.

Общение с властью
(по телевидению)

Завывает ветер
К холоду иль зною.
В этот поздний вечер
Мы опять с Тобою.

Только ты с экрана
Здесь под нашей   крышей
Ярость иль нирвану
Никогда не слышишь.

Час пик

Теснимый плотною толпой,
Я рвусь до счастья как умею:
Ногами, тёртой головой
Назло такому же плебею.

Трещит по швам могучий дух
Под вопли жаждущих *разминки*
И мой без пуговиц кожух
С линейной трещиной на спинке.

В конце дороги вижу свет
Строки крылатой в духе века:
«Вперёд к свершению побед
Во имя счастья человека!»

Покупка автомобиля!

Сибирский ветер, как наждак,
А мне тепло в его затее.
Сегодня всё у меня не так,
Я самого себя умнее.

Ждал 20 лет. Вот это куш!
И пью я сладость благодати
Под вопли жаждущих кликуш,

Каким вчера и сам был, кстати.

Пещерный мрак, забвенье муз,
Кривое зеркало обиды –
Сегодня просто лишний груз.
Я на вершине пирамиды.

Советский Союз

а)

Страна оглобельных разборок,
Где правит дышло – как закон,
Где поиск истины не в споре
И не в корректности сторон.

Где мнится сильным зов свободы,
Её особенная стать,
Как свой аркан железной моды
На непокорных одевать.

Где лесть с подвескою цинизма,
А залихватской рати плеть,
Прикрывшись маской гуманизма,
Никак не может умереть.

Где звёзды гаснут до рассвета,
И нет дорог домой назад,
Где озаряет людей светом,
Бродячий дух Октябрьских дат.

Где стало подвигом искусство:
В прицеле поиски врага
И оправданье самых гнусных
Деяний, подлости и зла.

б)

С утра пораньше Бахус жрёт
Душевной радости истому
И предлагает падкий мёд
Для тех, кто слазит за ним в омут.

И безраздельно в злобе дня
Мундиры ищут громкой славы
И, словоблудием звеня,
Калечат, бьют рассудок здравый.

В глаза не смотрит правде ложь,
В истоках блефа «сдоба» зреет
И каждый день чего-то ждёшь,
Чтоб ощутить нужду острее.

в)

С верою света
Мечется пламя
И неизбежность –
Наше заклание.

С меркой до неба
На изречение
В вечность стремится
Лидеров мнение.

В дальнем прицеле
Пляшущей мушки
Совесть грохочет
Атомной пушкой.

Огненным всполохом
Звёздного змея
Крик лицемерия
Светит всё злее.

Не исчезают
Только ошибки,
Пот ежедневный,
Клейкий и липкий,

Буйство иллюзий
В мечте полёта,
И, как награда,
Вволю – работа.

Получка

Ты моя липучка
И казённый дом,
Радостью получки
Скрашен окоём –

Мелькнёт огнём красок,
Всполохом любви,
Ветер ловеласный
И опять – лови…

Информационная программа «Время»

Набатные лозунги: «К бою»
В незримом шестом океане
С улыбкою льстивой, пустою
Вещают опять на экране.

Вещают без всякой тревоги,
А мне почему-то нас жаль –
Ведь мы в лабиринтной дороге
Хотим отыскать магистраль.

Семь чудес

Одно из первых – наш оклад.
Дают, как надо, в сроки,
И донести домой бы рад,
Да, видно, путь далёкий.

Второе чудо из чудес –
О женском равноправии,
Когда подруга тянет крест
До гроба в полном здравии.

О третьем чуде я молчу –
Доступное, бесплатное…
Вот только бы ещё врачу
Платили – за халатное…

Почти полвека прожил я,
А чудо-то, какое:
Не довелось избрать вождя,
Что пост оставит стоя.

Наука, жаль, не удалась,
Свершилось бы и пятое,
Но, к сожаленью, была власть
Застойная, проклятая.

О *перестройке* говорить
Пожалуй, ещё рано –
Как бы с плеча не нарубить,
Стать жертвою обмана.

И, наконец, работа.
Седьмое – и без магии:
Нужна бумага для отчёта,
Отчёты – для бумаги.

И опять на работу.

От высоких идей
Путь один – в никуда.
Говорят – для людей
Часто светит звезда.

Высоко в небесах
Их великая рать.
Только мне в небесах
Ничего не понять.

У истоков пути
Непролазная грязь,
Но пора мне идти—
Такова наша власть.

За трезвость быта

По плану, изданному выше,
Веленью времени под стать,
Столпилась вдруг под отчей крышей
Спортивно-доблестная рать

Людей, затюканных работой,
Хранящих в памяти сей миг,
Когда, идя домой в субботу,
Соображали на троих.

И, закусив рукою потной,
Трясли усердно через сито,
Трясли до пота подноготную
Людей, сидящих у корыта.

А тут тяни канат насухо
За трезвость быта – не греши.
И тополиным мягким пухом
По зову партии дыши.
……………………………………

Струится пот у самых резвых…
Парторг зеркальной головой
В актив за подвиги и трезвость
Забил в отчёте угловой.

И по тропинке через жито
Ушёл незримо для других,
Где мужики за трезвость быта
Соображали на троих.

На собрании

На повестке дня вопрос:
« Требуется мнение:
Есть ли в нашей жизни рост,
Есть ли ускорение»?

Однозначно не был дан

Ответ на собрании.
Что-то спорили про план
Не такой как ранее…

А когда созрел антракт –
В туалетных прениях,
Где исчез животный страх,
Возродильсь мнения:

«Ускоренье – звёздный миг,
Работа по блату,
Когда нужно на троих
Разделить зарплату.

Ускорение – тайга,
Когда воет лихо
И шумят, шумят *верха*,
А внизу всё тихо».

Когда кончился антракт,
Кончилась стихия,
И решил с экспромтом в такт
Написать стихи я.

Соцсоревнование

Так не говорили, так думали.

За быт и за наше здоровье,
И в цепи закованный стих,
За наши законы, что пишутся кровью
Всегда не себе – для других.

За призрачно лучший наш двор
В бурьяне, поросший кустами,
Где воздух, что может топор
От мата зависнуть местами.

За нашу нехитрую кладь
И разум в идею одетый –
За кузькину грозную мать
В дыму не людской сигареты.

Товарищеский суд

Не шумела исчадием волка
За столом «Запорожская сечь»:
Председатель с педантствами пчёлки,
Обвинитель (заканчивал речь),

Защитник, как ангел бескрылый,

С занесённой секирой палач,
Подсудимый – спокойный и милый,
Нормальный, советский – не рвач.

Воровать всем своё приходилось,
Как всем всё своё не беречь,
И волною любви проносилась
Благодать в «Запорожскую сечь».

Счастье хирурга

Когда не ругают
Казённо и долго,
А жизнь не кругами
Вокруг только долга.

Когда преподносят
Скрывая от стен,
Пирог на подносе
Обиде взамен.

Когда не завоют
Надсадно и глухо,
А стены не кроют
Обидами слухов.

Сердце

И рваная печень, и дырка в виске…
Копаются долго хирурги…
И где-то застыли в смертельной тоске
На древке церковном хоругви.

И течь не закрыта, зияет дыра,
Как в нашем бездонном бюджете,
И где-то взметнулись два чёрных крыла
Некрологом в местной газете.

Пришли мы из праха и прахом уйдём,
И это совсем не бравада,
А сердце без крови, в пространстве пустом
И стонет и плачет: «Не надо»!

А сердце без крови, почти мертвеца,
В сравнениях нет здесь подвоха,
Вот так и сражалась за жизнь до конца,
За жизнь до последнего вдоха.

В автосервисе

Какое сонмище при «деле»,
Не хвати пальцев перечесть:
Начальник, главный, завотделом
И генеральный даже есть.

Не перечислить массу кресел
И все начала от начал,
А среди прочих есть и слесарь,
Что кормит фирменный кагал.

Главврач

Языком шершавым всласть
Он клеймил пороки.
Остроумно тянул власть,
С подчинённых – соки.

Профессор

И степень родил с сединою
На тему отжившую вдруг,
Заведомо ставшей пустою
В кругу медицинских услуг.

И скальпелем с видом беспечным
Умеет больных «исцелять»,
Что встали крестами навечно,
Как добрая старая рать.

И те не откроют секреты
Про чёрные дни его лет,
Поскольку обратно билеты
Всевышний не выдаст им, нет.

Кладбище

На возвышенном месте
Ожерелье скульптур:
Людей совести и чести
Власть имущих структур

Из гранита надгробия –
И здесь суета –
И внизу, им в подобие,
Занимают места

Те, что рвались до неба

За предельной чертой...
Ломоть барского хлеба
Им остался мечтой.

И для них в денёк судный
На мертвецкую стынь
С возвышенья прилюдно
Боги скажут: Аминь.

Спасибо!

Волшебное слово! Подарка дороже.
И явственно слышится слог:
Спаси, спаси, если можешь,
Спаси всемогущий нас Бог.

Несётся с любовью души нараспашку,
Дежурным летит анекдотом,
Дежурное слово в словесной упряжке,
С божественным в нём оборотом.

И жаль, что уходит внезапно, бесследно –
Не сшить, не залатать штаны;
И с болью щемящей насущная бедность
В божественном слове не видит вины.

Метла безразличья пугающей власти
С избытком приказов и мер
Не вскроет пороки любви по несчастью,
Не вскроет закрытую дверь.

В оборванном крае с глазами пустынь
Цветёт журавлиное лето
И мудрое слово с подтекстом *аминь*.
Спасибо ему и за это.

В кардиологии

Моё сердце не стоит тревог,
Мое сердце не стоит печали,
На распутьях тревожных дорог
Моё сердце давно обокрали.

Если вдруг без вины мой прогнётся порог
И востребует надпись надгробие,
Не помогут друзья, не поможет и Бог,
Колдовство, и экстракт из снадобья.

Уплывает туманность в бездонную синь,
Уплывают печали, тревоги

И по кронам глядящих в окошко осин
Я опять поднимаюсь на ноги.

На закате

Где любовь, как распятье,
Ложь лелеет, звеня,—
Догорел на закате
Звон ушедшего дня.

Почивает в забвении
Неизношенный плуг
На земле поколений
Ритуальных услуг.

И проносятся мимо
Рысью, шагом и вскачь
Те, что ближе к фортуне
Родословных удач,

Что родились в сорочке
Без седла на горбу —
Сильных мира сыночки.
Остальные в гробу.

В Мурманске

1

Здесь кедр и ива, на удивление,
С березой куцею в родстве,
Но создают всем настроение
Плоды рябин в густой листве.

Они кострами ярких красок
Вдоль тротуаров и дорог,
Венчают улицы и трассы
Рядами стройных недотрог.

Цветет ромашка в изобилии,
А мать и мачеха – кругом,
Напялив платье с плотной пыли
Пленит в атаке каждый дом.

Ковром черника землю кроет,
И тундра в розовых цветах,
И тут же рядом новострои
Её теснят в своих лесах.

Морошка с пижмою в соседстве
Напоминают южный май,

И, как нигде, грибное детство,
И мне напомнил этот край.

2

Красиво смотрится «Севрыба*»,
Как настоящий божий храм.
Мне говорили: «За спасибо
Там платят деньги мужикам».

«Треска и сельдь богатство края» –
В музее видел я панно.
Работа, скажем, не плохая,
Но, жаль, – написана давно.

Теперь богатство в местных кадрах –
Их имена здесь носят: флот,
Аллеи, улицы и парки,
Чтоб поимённо знал народ.

Нигде так много нет разводов,
Как здесь, на мурманской земле,
И южнолицего народа –
Пожалуй, так же – как нигде.

На перекрёстках, в переулках
Гортанный говор с волжским «О»
И колоритен в синей куртке
У входа страж, где пьют вино.

Здесь нет публичных заведений,
Как нет и женщин им под стать
И ни к чему мои сомнения
Что можно в «Арктике**» их снять.

* – Всесоюзное рыбопромышленное
Объединение в Мурманске.
** – Гостиница в Мурманске.

3

Край людей околдованных
Заполярною сагою,
Не однажды подкованных
Залихватской отвагою.

Край, сравнимый что с золотом,
И заложников между
Наковальней и молотом,
И пропивших надежду.

Край из розовых снов
Липкой пены путан.

Леденящая кровь –
Заполярный капкан.

Город камня и скал,
Пятилеток и планов,
И звериный оскал
Лицемерия в кланах,

Где треску, как богатство,
Как родство к океану
Рыболовное братство
Давно съело по плану.

В остальном, как обычно,
Как везде, где есть Русь,
Где плывёт горемычно
По святой земле грусть.

Судовые будни

а)
Младшей буфетчицы

«Когда гляжу на вас, ребята,
Готова петь вам и плясать,
Но я ли в этом виновата,
Что морякам тоскливо спать.

Что вас в объятьях океана
Целует прядь седой волны,
И что любовь на заднем плане,
Поверьте, нет моей вины.

Ах, не судите меня строго,
Но я хочу вам пожелать:
Руками вашими от Бога
Любимых женщин обнимать».

б)
Моториста

«Здесь все равны под звездным небом,
Но, тем не менее, у нас
Узнаешь цену корке хлеба
И что такое первый класс.

Хотя на рубке и виднее,
Но я скажу лишь вам одно,
Что звёзды – ярче и светлее,
Когда опустишься на дно».

За границей

Я прибыл с России, издалека,
Взглянуть на заморские кущи,
И так зачесалась по-свойски рука
Пощупать богатство имущих.

Гляжу обалденно на их чистоту –
Не плюнуть привычно со смаком –
И чую спиною свою нищету,
Как дырку от бублика смаком.

Юбилей

Не торгуясь, мудрость зрелая
Предъявляет жизни счёт
И с глазами онемелыми
Для себя сама же врёт.

Отгулял хомут изношенный
Под скупым названьем труд,
Дети с первою порошею
Уже новенький несут.

Улетают сны прекрасные,
А умом колдует маг
С бутафорскою подкраскою
На не истинных устах.

На душе пирог с начинкою
Достижений и утрат
И мечта за синей дымкою
Без дорог домой назад.

Пенсия

Люблю я сладостную блажь
И неземные повороты –
Закончил трудный в жизни марш,
Теперь остались только льготы.

На гребне
вспорхнувшей волны

И ветер неистово воет,
И дум, больше горьких, не счесть,
Но этой осенней порою
Я всё принимаю, как есть.

Митинговые страсти

1.

Вам наши танцы не понять
И честь на пастбище у мота,
Где, как святая благодать:
«У нас стабильная работа»,

Где нищету скрывает лоск
И гимн предвестья,
Где вместо мозга серый воск
Уже – лет двести.

2. О реформах

Был полёт и мечта
В неземном окоёме
Не единый из ста…
Переход на изломе.

А теперь только тишь
От лечения втуне.
Ну, чего ж ты молчишь?
Улыбайся фортуне!

3. В знак протеста

Не нужна красота
И плевать на культуру,
Если тяжесть креста
Каждый день дерёт шкуру,

Если жизнь не удалась,
И под солнцем нет места,
Так примите хоть грязь
От меня в знак протеста.

4. О распаде Союза

Ещё раз, ещё раз,
Для порядка, как в байке:
Ложь жила без прикрас
У насилия в шайке.

И хватило чуть-чуть:
Рявкнуть в голос про это –

И гремучая жуть
Не поёт с того света.

Ложь звенела в струне
Каждый день на параде…
Теперь слёзы в стране
Льёт народ о распаде.

5

Дерзкая, смелая мысль:
Всем в одночасье
Прыгнуть в бездонную высь
За всеобщее счастье.

Дань отдаю благородству мечтам
Во всех проявленьях…
Не много ли нам
На одно поколенье?

6. Властьимущим

а)
Не дано вам в обличье Христа
Возродиться из праха и тлена,
Не поможет вам ложь, суета
И продажная ваша система.

Вы исчадие ада и зла,
Мафиози на спинах горбатых
И вы долго нам врали в глаза
О достоинствах нашей зарплаты.

Не ссылайтесь на слово «народ»
И не трогайте имя святое,
И не плюйте в чужой огород,
Обвиняя систему застоя.

Вы – системы родимая плоть,
Вы – основа и стержень болячки,
Вы, как в горле, застрявшая кость,
Что досталась от вашей подачки.

7
б)
Будто не нас
И наших предков
Не вы скрутили
В бараний рог,
А не железная

Занавес-клетка
Была исчадием
Наших дорог?

Ни покаяния
И ни распятия
За лицемерность
И ложь годами,
Лишь на экране
Седая братия
Шлёпает «правду»
Беззубыми ртами.

8. О родине

а)

Звёзды гасли, не видя рассвета,
А мы с головой набекрень
Упорно молились поэтам,
Что ночь принимали за день.

Хочу быть не блудной овечкой
В краю, где щемящая грусть,
А если позволишь со свечкой
И я за тебя помолюсь.

б)

В тебе так мало постоянства,
То чёрствый бублик, то калач,
То путь, ведущий в дебри пьянства,
От постоянных неудач.

И первый снег любви не греет –
Вот-вот расплачется навзрыд,
И только след ещё белеет
От уносящихся копыт.

Воскресшие тайны

1. Депортации

а)

На смену свастике звезда
Пришла в обличии печали,
Но мы об этом никогда
Открыто в голос не кричали.

Молились тихо под луной

Под вопль нежданной мрачной прозы,
А наш последний путь земной
Крестили Севера морозы.

Никто не латал чёрных дыр
И не лечил земли усталость –
Начало счастья в новый мир
Безгробьем праху оказалось:

В сугробах вечной мерзлоты
Нагие мёрзли наши кости,
А дома голые кресты
Без плоти стыли на погосте.

б)

В чужую землю и быль,
В глухую сибирскую даль
Семью за семьёй уводил
Трескучий, морозный февраль.

Струились в тоске бездонной
И падали в адрес рати
Молитвою обнаженной
Слёзы людских проклятий.

И звон молчаливой печали
Хранили анналы Гулага,
Как люди, идя, умирали
И смерть принимали за благо.

в)

Не верит слезам, дорогая Москва –
В вагонах не люди, а масса,
В составе своём представители зла,
Враги пролетарского класса,

Из касты буржуев – кулацкая знать…
В вагонах подростки и дети…
И гибнет ребёнок, цепляясь за мать,
И ручки повисли, как плети,

И в страхе замолкла небесная твердь…
А тело ещё не остыло…
И раем для мамы мерещится смерть,
И счастьем из пекла – могила.

В пути перекличка. Безветрие. Зной
Фатально-трагической были,
Как мама шептала версту за верстой:
«Сыночка, сыночка забыли».

2. Ошмянская масакра
1863 год

Ой, не ждал такой недоли
Калиновского крест тяжкий:
Загулял, как ветер в поле,
Свист российской, острой шашки

На безвинных, что в костёле,
Под крылом Святой Марии…
И не верит божьей воле
Смерть казацкой эйфории.

На штыках (кровавой сцены)
Слышен голос деток дикий –
Об святые бьются стены
Неуслышанные крики.

И агонией, да жгучей
Будто в бездну тонут звуки,
Где кровавою онучей
Вытирает воин руки.

3. Катынь

Исчезнет едва ли
Смоленская стынь,
Как символ печали
С названьем Катынь,

Где сосны зачахли
Над кручею в омут,
Где травы не пахнут
И камни не стонут,

Где майские пчёлки,
Не пьют воздух горний,
Где в песнях замолкли
Славянские корни.

4. Фотография

Фотография лет позабытых,
Предвоенной, далёкой поры.
На ней парни с когорты небритых,
В униформе: на шапках орлы*…

В овраге, под неманской кручей,
Под вопли прощальной мольбы
Струился песочек сыпучий
На шапки и голые лбы.

С фотографии лет позабытых,
Под напев белорусских осин,
Улыбается парень открыто.
Это бабушки старенькой сын.

* – Атрибуты гимназистской
униформы до 1939 г.

5. 17 сентября

Где кончалась чума
Под коричневым флагом,
Вырос символ ярма
С театральным аншлагом,

Где кровавые смерчи
Краснозвёздной инвазии
Приближали час смерти
В неизведанной Азии.

А под вечер собаки
С подвыванием, глухо
Несгоревшие маки
Принимали за духов.

6. Последний путь АКовца

Не нужен отчизне и дому,
Помечен аршином изгоя…
А в снах было всё по-другому:
И смерть даже – в лаврах героя.

Как меч отзвеневший дамоклов,
Омытый сожженной слезою,
Щетина набухла, намокла,
Кусачею стала и злою.

Две чёрные тени играют,
Скользя от висков до гортани,
Надежду с собой забирая
За грань неземных очертаний.

А время чеканит пустынно
И в такт повторяет злословью:
«Бандит. На колени. С повинной.
Умоешься собственной кровью».

7. АКовцы

а)

Их нарекли не по отчеству,
И кличка, отнюдь, не от зодчества,
А правда и вовсе не в этом,
Что схожесть была по приметам.

Не в трёх ипостасях родились,
Не в стае голодных волков –
Вина была в том, что молились
За дом и родительский кров,

Что были колючи аршину,
По меркам советским – уму,
Что Сталинской страсти машину
Пустить не хотели в страну.

б)

Забрали лошадь, инвентарь –
Всё, что добыл трудом горбатым,
Забрали мир и земной шар
И посмеялись над богатым.

За землю смоченную потом,
За смех детей и их мечты
Он стал фанатом, идиотом,
Истоком смуты и вражды.

Не знал он жалости и страха
В глухом лесу и чистом поле,
Снимая шапки Мономахов,
Что поселились на престоле.

8. НКВД

Покорная плоть железной руки,
Кровавого лозунга: «Надо!»
Подкованные большевики
Для смерти и для парада.

9. Репрессии
в репрессивных органах

Кровавые чистки
Ретивых не в меру
За верность, речистость,
За рост, за карьеру.

И душат злодеев
Злодеи петлёю…
И стало светлее
Над грешной землёю.

Перестройка

а)
Запоздалые роды
С душу рвущею болью –
По закону природы
Гной излился на волю.

Опьянённые люди
После «огненных взлётов» –
И поэты, и судьи…
И с вербальною нотой…

И нельзя догнать ветер,
Задыхаясь от бега –
Лихо правят в карете
Коммунисты с Ковчега!

б)
Бежит возмездия пожар
В упряжке резвой тройки,
Как из котла, несётся пар
Охриплой перестройки.

И непочатый край проблем…
Разводный процесс брака…
И новизна запретных тем
Под знаком Зодиака…

КПСС

а)
Наш любимый поезд красный
На распятиях дорог…
Для одних, как сон прекрасный,
Для других – бараний рог.

Ну, а мне – с хвостом комета,
Улетевшая во тьму,
Куда брал и я билеты
Неподвластные уму.

б)
На знамёнах изломанных копий
Был построен наш мир из утопий,
Где люди боролись, как черти,
За светлое завтра для смерти.

в)

Последний съезд

Без надежды и веры…
Суррогат – не аналог.
По тональности серый –
Не под цвет кардиналов.

Спор с открытым забралом
И пекутся о сущем:
О хозяйстве отсталом,
Хлебе чёрном насущном.

Только зубы в улыбке,
А улыбка пустая
С путеводною ниткой,
Улетевшего рая.

На любимых скрижалях
Упоительной страсти
Зябко ёжится вечер
Окровавленной власти.

И несутся, как смерчи,
Краснозвездные кони
С очертанием смерти
И последней погони.

Предвыборное

Встрепенулись сердца страсти,
Аура прений тут и там –
Сколько власти схватят власти,
И какая – светит нам?

Нужен Бог нам справедливый
С манной кашей в небесах,
Чтобы люд наш был счастливый
Со слезами на глазах.

Нужен Бог щедрот несметных,
Властелин молочных рек,
Выдающийся, заметный,
Просто, добрый человек.

Нужен дерзкий, энергичный,
Не тиран, как было встарь,
Чтобы ставил методично
Для жулья под глаз фонарь.

Чтобы был живым примером,
Деловой и цепкой хватки,
Чтоб извилин было в сером
Больше двух, не от шапки.

А ещё чтоб был похожий,
Как две капли, на народ,
А народ за эту схожесть
Кого хочешь изберёт.

Референдум

Не верьте коню в дороге,
Не верьте панельной даме,
Для первой любви на пороге
В созданном вами храме.

Меркой тоскливой песни,
Меркой пустого кармана
Взвесьте величие в кресле,
Взвесьте и тень от сана.

Взвесьте взращенную смуту,
Огонь и мрак подземелья,
Придите в себя на минуту,
Придите в себя от похмелья.

Пламя пылает, то меркнет,
Взметнулось в преддверии Веча –
Это ещё раз проверка
Для заблудших овечек.

На финишной прямой

1. Советские деньги

Рука не поднимается.
Чего-то очень жаль…
И зря понять старается
Душу мою февраль…

И лижет пламя с трепетом
Вчерашние святыни…
Прощаюсь я с Советами
За много лет отныне.

2. Скорбь по И.В.Сталину

Честнейшей души человек от Адама,
И вовсе не *толстые, жирные пальцы..*.
Тогда не читали стихов Мандельштама,
И верили в правду страдальца.

Погасло светило надежды земной,
С которым мы съели пуд соли,
А время злословит, что где-то иной
Сыграет на Сталинской роли.

3. Призрак
призрак коммунизма бродит по Европе

Без войны побитый,
Из марксистских басен,
Окруженный свитой
В новой ипостаси.

Завывает в стуже
Скачет лешей тенью,
Верит – нужен, нужен,
Не бывать забвенью.

4. Красная дата календаря

а)

Там, где обличье печали
Уносит за далью даль,
Тени из прошлого встали,
Накинув красную шаль.

Дерзко, в едином порыве,
Как встарь, на зеленой волне
Гарцуют, вцепившись в гривы,
Гарцуют на красном коне.

б)

Сдаваться Октябрь не хочет,
Не ласков сегодня с лицом,
И листьев изодранных клочья
Шумят перед смертным концом.

И ветер неистово воет,
И дум, больше горьких, не счесть,
Но этой осенней порою
Я всё принимаю, как есть:

И смерть от Прокрустова ложе,
И первый росток от любви…

Но кто и когда нам поможет
Остаться сегодня людьми?

5. Туман

На коротком поводке,
Под стрехою,
Где под стать самой реке
Дождь рекою,

Жил на привязи наш друг,
Пёс-дворняга
И жильём его был круг,
Круг в два шага.

По колено жил в грязи,
В дождь и слякоть.
За добро мог лечь костьми
И заплакать.

Зимой стужа и мороз,
Лето в зное.
Так и жил дворняга-пёс,
Жил изгоем.

Прыгал бешеным огнём
В пляске рьяной,
Если слышал за углом
Голос пьяный:

У хозяина запой –
Шёл в объятия,
Шёл к собаке, не домой,
На распятие.

И лизал собаке нос
С поцелуем.
Выл от счастья тогда пёс
Аллилуйя.

Выл дворняга от любви,
Верил свято,
Что у друга есть в крови
Кровь от брата.

И твердил в кругу друзей
 Про удачу,
И хвалил других сильней
Жизнь собачью.

6. Бомж

Не верит бессмертие духа
Фатальной судьбе на исходе,
Язвительным репликам, слухам
О грубом и чёрством народе.

Снег белит фасады, калитки,
Дорожки с хрустящего наста
С лукавой попыткой улыбки,
Бегущей по грани контраста.

Проносятся лица и ноги
Под взглядом мольбы и бессилия…
А рая грядущего боги
Твердят о стране изобилия.

7. Киллер

Обожжённых листьев плач –
Возродился вновь палач,
Исполнитель чужой воли,
Сердца чёрствого, без боли.

Подрезает людям крылья
Окрылённый властью киллер…
По живому рвутся струны –
На порог вернулись гунны
Опьянено, вакханально…

Как всё пошло и банально.

8. Олигархи

Обокрали, братки, Рассею!
Заарканил людей не мираж,
А напяливший портупею
Олигарх. Хвала Богу, не наш.

Обокрали сынки, обокрали
И бедняжку *умом не понять*,
И разум-мерило распяли,
И взором их скарб не обнять.

И не нужно им братской были,
И не важно, кто сел на мель –
Миллиарды, не на кобыле,
За границу повёз кобель.

9. На базаре

а)

Дипломированные

Сюда приходят не с дипломами,
И не с пристрастием к наукам,
А с зарубежными обновами
Не очень верующим внукам.

Торгуют хлопцы не наукою,
Порхнувшей радостью и мздою,
Торгуют сердцем, крестной мукою,
Что совершили над собою.

б)

Художники

Не суждено, видно, далям и мареву,
В бликах поникшей вербе
И полыхающим огненным заревам
Быть украшеньем в чьей-то избе?

Жаль неудачную душу художника,
Воздух, деревья и свет,
Жаль, дорогой, что все мы заложники
Наших Октябрьских побед.

в)

Предприниматели

Выдалась рань туманной,
С влагой клейкой и липкой
И с налоговой рьяной
За мелкою рыбкой.

Дождь промозглою стужей
Барабанит по спинам,
А бывало и хуже –
Свет сошёлся бы клином.

И душа не на месте –
Еле держится в теле…
Ходят разные вести
О загубленном деле.

Ветер плотные тучи
Рвет в немом окоёме…
Поменяться бы с сучьей
Теплотой в её доме.

10. Ожидание

Ожидание – радость открытия,
И пленительность девственных грёз,
И влечение душ по наитию,
И немой без ответа вопрос.

Ожидание – стержень терпения
На таинственных трасах вселенной.
Ожидание – вечность мгновения,
Что мерцает в звезде переменной.

Ожидание – цепь заблуждений,
Беспросветная в жизни тоска,
Поиск истинных ценностей мнений,
И увиденный свет с маяка.

Ожидание – форма материи,
Где на ставку поставлена жизнь,
Для того, что б в таком измерении
Мы на этой земле родились.

Земля моя

Земля преданий и поэм,
Звенящих свежестью криничной,
До тошноты запретных тем,
Возникших в школе двуязычной.

* * *

Истоки нежности ловлю
В улыбке, взгляде и походке…
Не знаю сам, за что люблю
Я этот миг с Тобой короткий:

Лукавый взгляд из-под ресниц –
Всё так заманчиво и мило…
Черта дозволенных границ…
И руку мягко отстранила.

Неманский лён

От встречи, от встречи хмелею, –
Наяву не обман и не сон –
Очарован улыбкой твоею
И глазами, как Неманский лён!

Твоей нежной и мягкой походкой
И по-детски лукавым кокетством,
Что я стал неуверенно-кротким,
Как студент перед первым семестром.

Я хотел бы ласкать твои кудри,
Обнимать твой чарующий стан,
Поменять нажитую мной мудрость
На твой милый, невинный обман.

Без остатка вернуться к началам,
Буйству трав и цветению роз
И, как прежде, с открытым забралом
Испытать эту первую дрожь.

* * *

«Будем просто дружить.
Разве этого мало?..»
…И надтреснута нить,
И чего-то не стало,

И не раз, и не дважды
Вновь доносится эхо,
Обожженною жаждой,
В маске грубого смеха;

И хочу глубже звёзд
Быть находкой пучины
За разрушенный мост
Без особой причины;

И остаться на дне
Там в обличии брата,
Чтоб неслось обо мне:
«Ты во всём виновата».

* * *

Проносятся все мимо
А я как будто слеп –
Ищу, ищу незримый
Среди людей твой след,

Ищу в толпе прохожих
И трепетно жду миг…
Ищу с тобою схожесть
У девушек других,

И тянутся мгновения,
Как вечность бытия,
На взлёте вдохновения,
Где только ты и я.

* * *

Ты могла б ко мне приехать
Как когда-то – налегке,
Когда страсть звала к потехе
Не в молитвенной тоске.

Без тебя здесь днём и ночью
При блуждающей луне,
Только чёрт в углу хохочет
На арабском скакуне.

* * *

У нас с тобой всё сказано –
Стена непонимания,
Но мы с тобой повязаны
При жизни на заклание.

Давним давно повязаны
Единой пуповиною
И в Библии нам сказано,
Что вместе станем глиною.

* * *

Тебе я открою мой малый секрет,
О жизни поведаю с горя:
Живу на закате мелькающих лет
И вечно ищу что-то в споре.

А та, что пленила прекрасной душой,
Улыбкой и солнечным светом
Теперь изменилась и стала другой,
А я для неё стал «с приветом».

* * *

Где обличье любви,
Там обличье печали…
Но тогда соловьи
Ничего не сказали.

***

За блеск, рассуждения, чувства,
За ум и изящную стать,
За мамино с папой искусство
Не нужно на предков роптать.

Ты видишь в надежде страдание
И в муках находишь покой,
А женщины божье призвание
Кичливо зовёшь суетой.

Но всё ж ты обижена Богом,
Хотя бы за то, что одна,
Что делишь судьбу одиноких,
Поверь, и твоя есть вина.

Если тело с душою в раздоре –
Это больше, чем личное горе.

***

Ты ищешь счастье и покой,
А я – заботы,
И ждёшь, что буду я другой,
Придя с работы?

Тебя пугает призрак дна
Зловещей тенью
И мысль, что ты одна из ста
С такой мигренью?

Я разделяю горький куш
Твоих болячек,
Но не умею й не хочу
Я жить иначе.

Я звёзды видеть хочу днём
И страсть в истоме…
Какие разные вдвоём
Мы в этом доме?

Возможно, вру и всё не так,
Всё это бредни,
И есть связующий костяк
В святой обедне.

* * *

Когда ты хмуришься и злишься –
В сравненья ты берёшь других.
Прости, мой ангел светлолицый,–
Не дотянулся я до них.

Ещё когда лежал в пелёнках,
Не замолкая ни на миг,
Частенько мне неслось вдогонку,
Что далеко мне до других.

Минут прекрасных в жизни мало –
Один запомнился мне штрих,
Когда ты радостно шептала:
«Ты не похожий на других».

Но зайчик солнечного света
Из изречений дорогих
Промчался будто бы ракета
И я опять среди других.

В большом и в малом в одночасье,
В решеньях сложных и простых
Хочу до слёз немного счастья:
Быть не похожим на других.

Обычная жена

« Моя жена – исчадье ада,
Созвездье тёмных, чёрных сил.
Таких жалеть грешно, не надо, –
Шофёр для шефа говорил, –

В неё вселился бес хотения,
А притязаньям нет границ,
И не поспоришь с её мнением,
Хоть лоб разбей, хоть падай ниц.

Обиды, мнительность и злоба…
Кривое зеркало с утра…
Я развожусь с моей зазнобой,
О чём сказал я ей вчера».

Под звук мотора чёрной «Волги»
Шеф тихо слушал и молчал.
Шофёр мучительно и долго
Попутно душу изливал.

Дорога длилась, как забвение,
Как чарка доброго вина
И вдруг гром с неба – изречение:
«У вас обычная жена».

*** * ***

Если скажешь мне: «Баран» –
Я скажу – «Принцесса»,
А когда любовью пьян –
Шепчу: «Баронесса».

А когда зовешь конём,
Я шепчу – «Русалка»,
Ой, не шуточки с огнём –
По горбе да палкой.

Когда скажешь мне: «Дурак» –
Вспомню день наш брака
И отвечу: «Такой знак
Был у Зодиака».

Если скажешь мне: «Козёл» –
Не скажу – «Козлиха».
Забивает жена гол
В перестрелке лихо.

Соседка

а)

Настроению под стать,
Всегда при улыбке…
Так и хочется обнять
Тебя по ошибке.

б)

У соседки за стеной
Полумрак и трели,
Аура катится волной,
Блудный скрип постели.

Одиноко в тишине
Сердцу нет отбоя,
И во сне своей жене
Я шепчу: «Мы двое,

Не тревожь напрасно лик:
Жизнь – всегда начало…
А мужик тем и велик,
Что ему всё мало.

Приласкай улыбкой губ,
Мягкою походкой,
Буду я с тобой не груб –
Буду нежный, кроткий.

Не последняя любовь
Отзвенела в скрипке.
Я созрел и уже готов
К роковой ошибке».

Я люблю твой лик печали

Я влюблён в детей и внуков
И в лесную глухомань.
И в чарующие звуки,
Что в лесу тревожат рань.

Я влюблён в девичий хохот
В окружении парней,
И в её девичий шёпот,
Когда парень только с ней.

Я влюблён в родное слово,
В сочный с юмором язык
И горжусь, что мне за «Мову»
Кое-где был дан ярлык.

Я люблю земли обличье,
Топей, гатей голоса,
Оскудевшие – без дичи,
Похудевшие леса.

Я влюблён в лесные дали,
В заводь тихую, камыш,
И люблю твой лик печали,
Когда тихо ты молчишь.

* * *

Есть один заветный уголок
У меня на белом свете
И одна тропинка средь дорог,
И одна, с немногих, на примете.

Есть привычки хуже кандалов –
Не откроешь тайну даже другу,
Есть букет соцветия из слов,
Что годами вертится по кругу.

Есть одна запретная любовь
С беспредельной надо мною властью
И один из множества углов
Обойти который не могу, к несчастью.

Как обидно думать и гадать,
Что когда-то тайны станут мглою,
Что когда-то эту благодать
Унесу безропотно с собою.

***

Ой, да ладушки-малина,
Что ж ты нынче сонная?
На ветру, как лист осины,
Жизнь неугомонная.

Не роняй слезу на струны,
Не печалься, не тужи,
Мы с тобой под небом лунным
Ещё спляшем от души.

Подними головку выше,
Погляди в мои глаза,
Не для нас с тобой над крышей
Мечет молнии гроза.

Ой, да ладушки-малина,
Будь сегодня милою.
Пролетает счастье мимо
Песней соловьиною.

* * *

Любовь одинокой звездою
Сияет с бездонных пучин,
Любовь, что родилась с тобою,
Продлит, вероятно, наш сын.

Любовь, как изящная поступь,
С нетленной игрою огня
В бессмертие дала мне доступ,
Где нет уходящего дня.

Обида

«Головная боль,
Ад сердечной муки,
Как на ране соль,
Опустились руки.

Душно, давит зноем,
Воздух, как смола,
Каждый день запоем
Бью в колокола.

Тучи всё густеют,
Мрак сплошной лавиной,
Становлюсь всё злее,
Обожженной глиной.

Крутится бурливо
Мельничный мой круг.
Всё мне опостыло,
Дорогой мой, друг.

Головой поникну,
Лебедой завяну
И с покорным ликом
Я святою стану,

Улечу в объятья
Синевы высот,
Поцелую братьев
И тебя, мой кот».

* * *

Песни пел на сон грядущий
Нежно и с объятием,
Но ответил, будто с пущи,
Ветер мне распятием.

И напрасно выход ищут
Мысли и сомнения –
Ты подбросила мне пищу
Вновь для размышления.

* * *

Не пить мед с твоих уст –
Были стихи, теперь проза...
Зловещая, темная грусть
Вонзилась занозой.

Тоскливо, щемящая боль,
Несёмся навстречу буре…
Не надо на раны соль –
Ты добра по натуре.

Запоздалая встреча

Дорог, тропинок в жизни много
И где-то там один причал.
Стою, как в храме у порога,
Вновь на распятии начал.

Ты молчаливо понимаешь –
Я жгу последнюю свечу
И я об этом тоже знаю
И с пониманием молчу.

* * *

Елене

Мы с тобою ещё не состарились,
Не утратили в сердце святынь,
И над нами звенящее марево
Проплывает в бездонную синь.

Мы идём через поле тропинкою,
Погрузившись в раздумья о вечном,
Где кружатся большими пылинками
Две звезды в поцелуе сердечном.

Мы с тобою ещё не состарились,
Не утратили в сердце святынь,

Хочу верить в бездонное марево,
Хочу верить в бездонную синь,

Хочу верить – остались мы прежними,
Как два лебеди утренних зорь,
Что встречают объятьями нежными
Поутру необъятность озёр.

Остров любви

К тебе прикоснутся не просто –
Не в силах и сердце помочь,
Ты мой заколдованный остров
С костром, зажигающим ночь.

Живая слеза преисподней…
Любовь… И дворянская честь…
Как мал и большой мир господний,
Где муза Ахматовой есть.

В поезде

С хрипотцой, под гитару
Пел Володя*
Со свободой на пару,
О свободе.

Как наждачкой душу тёр
Смерч погони.
И судьбе наперекор
неслись кони,

И неслась пурга вослед
Волчьей стаей,
Октября последний след
Заметая.
* – Владимир Высоцкий

**Под какою же пыткой
твои плакали звёзды?**

Сколько страсти и соли,
И любви в нелюбви,
И славянской сверхболи
Было в этой крови!

Где и как оборвалась
Златоносная жила
И тропинкой кровавой
Оказалась могила*?

Под какою же пыткой
Твои плакали звёзды,
Когда чёрною ниткой
Ткала свой ковёр звёздный?

Где мечта и распятие
И истоки креста…
……………………………………….
Попроситься бы в братья.
Хоть последним, из ста.

* – Место захоронения
Марины Цветаевой
неизвестно.

На Босфоре роза
не роняет слёз

Я пришёл на эту землю,
Чтоб скорей её покинуть.
Сергей Есенин.

1

Как обидно и тоскливо
Верить голосу чужому,
Поднесённому с курсива,
Что не смог испить истому.

Оборвался… Оборвали…
И конец сердечных мук
С эпилогом смертной дали,
Или врёт печаль разлук?

Власть оглобельная плачет,
Схоронив зари рассвет.
А могло ли быть иначе?
Или врал себе поэт?

2

Глухомань не слышит
Розовых высот,
Где *заря на крыше*
Моет лапкой рот.

Рожь *лебяжьей шеей*
Не колышет поле,
В кабаке замшелом
Не гудит застолье.

А в тоске безбрежной
Приозёрных нив
Ждут объятий нежных
Бедра лунных ив.

На Босфоре роза
Не роняет слёз.
Смерть твоя, как проза,
И немой вопрос.

Молодожёнам

Не разжигайте с мелочей
Пожар, пылающий до неба,
Банальной ценностью вещей
Не подменяйте ценность хлеба.

Эмоций бурных пустоту
Оставьте где-то за порогом,
С собой возьмите доброту,
Для нас предписанную Богом.

Не бойтесь новых, страшных цен,
Слезой не мойте прейскуранты,
Изобретайте свой безмен –
И вам откроются таланты.

Умом в семье не всё понять,
Но чтобы узы не ослабли
Старайтесь всё ж не наступать,
Как говорят, на те же грабли.

Чтоб не порвалась нить времён
Чтоб не исчезли и в помине,
Пусть будет ген ваш возрождён,
Хотя бы в доченьке и сыне.

Пусть ангел вашу жизнь хранит,
Чтоб была хлебной и не глупой,
А совесть болью не бубнит,
Когда окажется под лупой.

Внуку

Пронесутся вихри,
Отзвенят метели
И земля опишет
Много раз свой круг,

По тропе зелёной
птичьей карусели
Пронесутся птицы
С Севера на Юг.

В океёме будней,

В окоёме празднеств
Быстро повзрослеешь
И поймёшь не раз,

Что детей в подоле
Не приносит аист,
Да и остальное –
Тоже всё от нас.

Возьми на дорожку:
Мамину улыбку,
У бабушки песню,
Прадеда гармонь

И не пей лекарства –
Совершишь ошибку.
Остальное выбрось,
Выбрось и не тронь.

Брату

Родился, когда маме было 49

Уж как-то подспудно, нежданно
Возникла у мамы проблема:
Молитвой святою *осанна*
Зимой расцвела хризантема.

И вздрогнул космический вектор
С попыткой пробиться сквозь глыбы,
И рвался к созвездиям Виктор,
Что носят название Рыбы.

Взлетел по тропинке крылатой
В пьянящую звонкую даль,
Туда, где звенел бородатый,
Напившийся солнца февраль.

Метались свинцовые тучи,
Нередко грозили бедой,
Когда он под неманской кручей
За рыбкою лез с головой.

А рыбку поймал не на речке,
А там, где соседа *адрына*,
Где цветом созревшей *парэчки*
Светилась улыбкой Гражина.

Гродно

Державным замыслом согретый,
Форпост России у реки.
Какие могут быть секреты?
Ну, что молчите, земляки?

Кресты не помнят лютой смерти,
А жизнь окуклилась во зле
И нет послания в конверте:
«Где наша память на земле?»

Героев имя напрочь стёрто,
И пьёт забвение река.
И хоть бы память для кроссворда?
И та задушена пока.

Не только царский гнёт безмерный
Надёжно спрятанный под спудом,
Но и разгул советских терний,
Что процветал над нашим людом,

Хранится в тайне для народа,
А может быть народ исчез?
И на могильном огороде
Его всё реже виден крест?

Неман

Сиротливо катится
Водяной поток
Серо-грязной скатертью
У прохожих ног.

Смех и улюлюканье
Загорелых тел
Заменила скука –
Неман опустел.

Засуха

«Нет болот – нет дождей,–
Мы сошлись в разговоре на слове, –
Осушили по воле вождей,
Осушили, как сердце, от крови

И пошили сорочку на смерть,
В перезвонах, гремя об изделии;
И осела кирпичная твердь
На зелёном, живом ожерелье.

Белорусский бусел

Белорусский бусел
Без семьи – один,
В небе Белоруссии
Будто блудный сын.

Белоруский бусел,
Что ж мы натворили?
Не играют гусли…
Голос твой забыли.

А болот водица
(Хоть напейся с горя)
Теперь только снится
Нам в объятьях моря.

Без тебя тоскливо—
Оставайся с нами,
Буду поить пивом,
Кормить шашлыками.

Затянувшаяся зима

Не кончается,
Будто вечная,
Изобилует
Грязью, лужами,
Завыванием,
Бесконечною
С белой накипью,
Лютой стужею.

Где пророчества,
Предсказания
Вод, отчаливших
На бега,
Разгулявшихся,
С бормотанием,
И рождающих
Берега?

Снег коричневый,
Ноги чвакают,
Отколёсная
Грязь столбом.
Так и хочется
Быть собакою
И на коврике
Стеречь дом.

Ливень

Пенятся и роют
Землю водопады,
И вода горою
И ей нет преграды.

Давит свод небесный
И грозит беда,
Поливая грешных
Будто из ведра.

И с надеждой смотрят
В поисках просвета
Честные и моты:
Не конец ли света?

Сенокосное утро

Осина вспугнула ветер
Дрожащей своей листвою,
Заря побежала на встречу
Умывшись прохладной росою.

Струится берёзовым соком
Покой над оранжевой гладью,
В изысканном стиле высоком
Берёза с распущенной прядью…

Блаженство вздремнувшего рая
Лишь будят звенящие косы
И падает травка сырая,
Ложась ряд за рядом в прокосы.

На сеновале

Шептала на ушко,
Легла к изголовью
Воздушной подушкой
Богиня с любовью.

А солнечный запах
Озёрного детства
Кузнечик на лапах
Принес мне в соседство.

Не сон, а забвенье,
Сказать не осмелюсь,
Отвисла на сене
Уснувшая челюсть.

Кузнечик

Не с повязкой на глазах
Проскакал он в небесах…
Ну, куда же ты летишь
Непоседливый малыш?

Не дано бедняге знать,
Что родился он летать
Вместе с солнцем и луною
И с цветущею весною.

Ночью, через кладбище

Дыханье уснуло на сжатых губах…
Движения зябко застыли…
И чёрною кошкой удушливый страх
Промчался на красной кобыле.

Луна, как чертёнок, метнулась к земле,
Нырнула в озябшую лужу,
И мир чёрной кошкой в пространственной мгле
Скребется в трезвонную душу.

Зажглись светлячки фонарями огней,
Следят из глазниц, онемело,
И, будто осколками острых камней,
Покрылось мурашками тело;

И красные тени обняли впотьмах
Иглистыми лапами елей
Горящий, как фосфор, воспрянувший прах
Со свежих ещё поселений.

И топот погони, несётся, как смерч,
Хватает за плечи. О, Боже!
Несётся с косою, несётся, как смерть,
С оскалом улыбки на роже.

И сердце берёт на пределе рубеж,
Развязкой мерещится драма,
И больше нет сил, хоть убей, хоть зарежь,
И хочется крикнуть: «О, мама!»

С чего начинаются стихи?

а)
С шедевров

Добравшись до истоков,
Где можно ставить точку,
Шлифую от пороков
Магическую строчку.

«Нет лишнего, изящность!» –
Людское слышу мнение.
И, вроде бы, не страшно
За плод воображения.

Не иначе – шедевры…
Прости меня, Есенин! –
И кажется, что первый
Непризнанный я – гений.

б)
С сомнений

Не дотянуться мне до Вас
Великие с Великих
Поскольку есть один Парнас
И море нас безликих.

Вам Муза матерью родной
И мачехой мне злою.
Она приходит к Вам домой,
А я живу мечтою.

Коснётся будто бы крылом
И улетит порхая,
В далёкий край за окоём,
А как поймать не знаю.

И горечь ревностных обид…
И горечь за пороки…
А вдруг душа заговорит
Поэзией высокой?

И чувства трепетных минут
Всплывают в подсознании:
На бал Великих позовут,
Не обойдут вниманием.

Мысль

В пучину звёзд – быстрее света,
И не заметен даже след,
В несуществующей ракете
Прессует в миг миллиарды лет.

Однажды, ставши сгустком света,
Подобно мысли без преград,
В несуществующей ракете
Не возвращусь и я назад.

* * *

Огнём и мечом не развяжешь узла,
Ракеты и бомбы – химеры.
Любовь побеждает пожарища зла,
Ростками надежды и веры.

На картах исчезли названия рек,
Названья империй в расцвете
И только бессмертен один человек,
Как плод от любви на планете.

Особенности восприятия

а)
Белорусский мужик
По душевности слада
Изначально привык
Жить под окрики надо.

Не прожить белорусу
Без целебной лозы:
Только битый по вкусу
Знает прелесть слезы.

Мы в Европе семья,
Но и там мы чужие:
Мы не любим себя
Нас не любят другие.

б)
Толпой народ не подменяли,
Но как взошли следы морали
Отца народов, прочих в клане,
Людей, ушедших на заклание?

Любовь толпы и смысл креста –

Начало с чистого листа.
Неужто зря поёт нам лира:
«Не сотвори себе кумира»!

в)

Полёт, опьянение
И грешная твердь
Даны нам с рождения,
С рождением – смерть.

Исчадие горя
И счастье любви –
Две грани раздора
В единой крови.

г)

Двести лет объятий брата
Изменили мою плоть,
И теперь родную хату
Посетил его Господь.

На своей земле без рода,
Без живительных корней,
Я, как зеркало народа,
Что живёт теперь на ней.

*** * ***

Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж…
У. Шекспир

Не умереть, а жить хочу,
Чтоб плюнуть извергам сочнее
За лицемерность, нищету
И за аркан на нашей шее.

За унижение, позор,
За обокраденную юность,
За то, что честь присвоил вор,
И что исчезла в чувствах лунность.

А всех волков в овечьей шкуре
Я нарисую наизнанку,
Чтоб не ошиблись люди сдуру
И не клевали на приманку.

Свобода

Вспоминается «любовь»,
У нас с ней до гроба,

Когда стыла в жилах кровь
И душила злоба.

У свободы яркий лик,
Тонкая природа,
А подвешенный язык –
Ещё не свобода.

* * *

Тяжело объяснить бедной маме,
Чьих детей поклевал наш петух,
Что червяк – только корм в этой драме
И на нём замыкается круг.

Не поймёт в ошалелой печали
Все истоки досужих невзгод
Тот бедняга, кого обокрали,
Да и тот, кто украл, не поймёт.

Тяжело объяснить в преисподней
Наготу обыдённых вещей,
Тяжело объяснить мир господний
Для невидящих землю червей.

* * *

Я не в отчуждении
От людских затей –
От борьбы сомнений
За сердца людей.

Равнодушен к разным
Спорам с резвой прытью,
В перепевах праздных
Шитых белой нитью,

Без любви, почтения
К бедным и богатым,
Если с умилением
Ищут виноватых.

И чувствую мерзко,
Когда сам порою
За свои издержки
Мечу всех виною.

* * *

Не радуйся, когда найдёшь,
Не радуйся, как многие,
За золотой внезапный дождь,
И вспомни – есть убогие.

Не огорчайся и не плачь, –
Ведь кто нашёл, не знаешь –
Когда галопом или вскачь
Ты что-то потеряешь.

В находке прячется беда
И радости – в потере.
Полезно вспомнить иногда,
На собственном примере.

Не огорчайся и не плачь,
Конец есть и начало,
И не нашёлся ещё врач
Лечить людское *мало.*

Путь к христианским ценностям

Меняются люди и горы,
Расходятся наши пути,
А вечную истину в споре
Никак мы не можем найти.

Особенно в позднюю осень,
Когда на пороге зима,
А годы (как кольца у сосен)
Зовут нас в объятия сна,

К истокам морали и права,
К истокам рождённых святынь,
И хочется вспомнить, что мало
Твердил в своей жизни аминь.

На подъездной скамейке. Шлюха

Смеялись, судачили громко.
Все знали: За дверью притон.
Острили и грубо, и тонко
В присутствии собственных жён.

Вдруг дверь распахнулась внезапно,
Соседка! Легка на помине,

С фигурою стройной и сладкой –
На зависть созревшей малине.

И как-то совсем незаметно,
В застывшей на миг тишине,
С улыбкою нежной и светлой
Она обратилась ко мне.

Она обратилась обычно,
Как часто бывает, к соседу,
Когда немоту безъязычную
Хотят поменять на беседу.

Но я не ответил вниманием,
Не принял общение шлюхи,
И вроде нашёл понимание
У тех, кто рождал о ней слухи.

Проносятся люди, метели,
Меняет жильцов Зодиак,
А день той обычной недели
Забыть не могу я никак.

* * *

Исчезнет страх
И будет глина,
Исчезнет слово на устах
Неумолимо.

Кувшин, не слепленный творцом,
Не разобьётся…
Неужто так перед концом
Всегда поётся?

***

Посылают сына на войну
И согласен взгляд беззубой прессы
Идолов, что пустят люд ко дну,
Под разгул оглобельного стресса.

Первый лист, звенящий на ветру,
Вздох весны, пьянящий поцелуем,
Светлую, безгрешную мечту
Посылают идолы под пули.

Диктатуре страстно захотелось
Показать оскал звериной злости,

Молодость зелёную и смелость
Схоронить на рыцарском погосте.

Поседела мать от чёрных мыслей,
(Родины немеркнущая стать!)
Лишь одна навстречу смерти вышла
Сына от костлявой отстоять.

Впереди на рельсах эшелона
В круговом движении платок…
И машина стала с грозным стоном…
«Через труп» – услышал мать, сынок.

* * *

Люди в серых шинелях –
Государева нить
В государевом деле,
Как же вас не ценить?

Не последней дорожкой,
В уходящую высь,
Ваши косточки сошкой
По полям разнеслись.

Жизнь кончается миром,
А приходит с войной,
Обелиском в мундире
Над солдатской землёй.

Тайна

И со связью и с мостами,
И лелеющая ухо,
И жужжащая верстами,
как назойливая муха;

И рождённая в подоле,
И во чреве, и в родстве,
И как ветер в чистом поле,
И как луч в густой листве;

И обидами обмыта
Для ребяческих утех,
И пролезшая сквозь сито,
И хранящая свой грех.

С лицемерным состраданьем,
И не помнящая зла,

И на счастье с упованьем,
И сгоревшая дотла.

И с секретом личным, стадным,
И как юности заря…
А написаны все тайны
На листке календаря.

***

Правда нагая, а ложь прикрыта,
Как позолотой осенний сад.
Маску сорвали с лица бандита
И возвращают ему назад.

Мысли несутся стремглав в пучину,
Звёзды колышут небесный свод,
И переходит надежда к сыну,
Что не исчезнет семейный род.

Есть ли стремленье слушать пророка,
И мудрый ветер с библейских дат,
И есть ли разум в корне истоков,
И за греховность кто виноват?

Руки ласкали тебя весною,
Как всё прекрасно, что в первый раз…
И всё исчезнет вместе со мною
И свет надежды любимых глаз.

Прощание с сигаретой

Я тридцать лет прожил с тобой,
О, боже наш единый…
Теперь молюсь за упокой
Безвременной кончины.

Перед глазами профиль твой
И сложенные руки,
А я молюсь за упокой
Безвременной разлуки.

И вижу, будто бы в гробу,
Мне улыбнулась строго
И, будто молнией по лбу,
Сверкнула у порога.

И показалось мне на миг –
С собой забрать хотела,

Чтоб не достался для других
Прокопченного тела.

Человек

Подобен корню сорняка,
Что в притязании на вечность,
Но жизнь обидно кротка –
Не разрешает человечность.

***

Его Величество случай!
Ну как же его угадать,
Блуждая в потёмках дремучих,
Где случай роднее, чем мать?

Его Величество случай –
Не только простое везение –
Находит в потёмках дремучих
Любовь и её вдохновение.

Бессмертие

Цари оставили дворцы.
Учёные – трактаты,
А что оставил в жизни ты,
В свой день последней даты?

Потомство вывел таракан –
Бессмертья след чудесный.
Он не богатый, не болван,
Ну-у о-очень интересный.

* * *

Убийство – доблесть и позор,
В одном лице две маски.
Убийство – радость детских зорь,
Приходит с первой сказкой.

Кому–то свой, кому чужой,
Подобно в волчьей стае…
С такой нехитрою мечтой
И внук мой подрастает.

Бунт толпы

Лихой наездник на коне…
Хотят все жить красиво…
Что не гниёт, горит в огне,
Любовь внедряют силою.

Все хотят правды и добра,
И смерти супостату,
А выясняется, что зря
Свою спалили хату.

* * *

Не грех всё жизнь любит одну
И грех великий не влюбляться.
Я однолюбов не виню,
Чтоб чудаком не оказаться.

Найти любовь – найти себя
И совершенства познать силу,
Чтоб мог сказать к исходу дня,
Что не зарыл талант в могилу.

***

Мечту в реальность воплощая,
Надеюсь мало на поруки,
Что моё дело наверстают,
Закончат собственные внуки.

Хочу к исходу дня кончины
Взглянуть на пламя от свечи
Тем веществом, что станет глиной,
И вновь пойдёт на кирпичи.

Счастье

Счастье – когда светло душе зимою,
А плоть в созвучии с весною,
Когда за дымкой поворота
Не ждёт постылая работа.

Когда судьба в упряжке палой
Не студит сердце злой опалой,
Когда не думаешь о сексе,
А в небе Бог продляет вексель.

Земля моя

Земля открытий и высот,
Пьянящих радостными снами,
И генный наш забытый код
В связи с союзными мостами.

Земля преданий и поэм.
Звенящих свежестью криничной,
До тошноты запретных тем,
Возникших в школе двуязычной.

Земля болот и синевы…
Карьер, состряпанных по зову…
Земля навязанной канвы,
Послушной флюгерному слову.

Земля моя! Мой дом и храм,
И неизбежный день разлуки,
Последний вздох тебе отдам,
В твои израненные руки.

Беларусь

У нас страна благодатная,
Без смятений и смут,
Величавые, статные
Тут деревья растут.

На земле ковер розовый,
А могучие сосны
Стерегут край берёзовый,
Стерегут наши вёсны.

Ели пышными кронами
Подпирают нам небо,
Нас встречают поклонами
Поля спелого хлеба.

Лоси с лёгкой походкою,
Быстроногие лани
Пасут ночи короткие
И туманные рани.

Зайки с серыми спинками,
Пропетляв для обмана,
Нас выводят тропинками
Из кустов и бурьяна.

Мы научены музыке,
Перезвонам и трелям,

Заболевшие тузики
У нас лечатся зельем.

На равнинах раскинулись
Голубые озёра,
К ним тропинки звериные
Освежают нам зори.

В дни святые возвышенно
В поднебесную синь
Проплывают над крышами
Звуки наших святынь.
Храмы разных конфессий
В перезвонах зовут
На обедню и мессу
Вновь поверивший люд.

Синеокие модницы,
Парни, словно дубы –
Наших пращуров родичи
Здесь растут, как грибы.

С голубиною кротостью
Голосистых девчат
Спорят юбки короткие,
Соблазняя ребят.

Ножки ровные, стройные,
А загар цвета меди,
Привлекают всех знойные
Белорусские леди.

2.

После Чернобыля

Спят тропинки звериные
Летаргическим сном,
А зверюшки невинные
Свой покинули дом.

Наши тихие реченьки
Не ласкают форель
И не слушают к вечеру
Соловьиную трель.

Наше небо отравлено
Ядовитым угаром,
В наши лучшие здравницы
Не хотят ехать даром.

Мы завидуем Западу,

Ищем там свой приют,
У них наши с лопатою
Своё счастье куют.

3.

Мы Литвою родились
Мы в Литве повзрослели,
Мы Литвою гордились –
В Беларусь нас одели.

Белорусами стали,
Как те дети, по кличке,
И по ней узнавали
Мы себя по привычке.

Мы забыли про корни,
Уходящие вглубь,
И целуем покорно
И того, кто не люб.

Мы забыли культуру
И величие нации –
В день рожденья де-юре
Не нужны нам овации.

Может быть, не созрела
И мечта наших душ,
Что веками глядела
В Белорусскую глушь?

И не скоро взыграет
Ослепительный плод,
О котором мечтал
Белорусский народ?

4

Прости, синеокая,
Прости, благодать,
За порывы высокие…
За привычку роптать.

Прости, лунно-сонный
Край берёз и ольхи,
Прости, что бесплодный,
Прости за грехи.

Прости, заколдованный
Край, чарующий рань,
С самобытною «моваю»,

Что нам мнится, как брань.

Прости, что достал
Черноту из подвала.
Прости, что мечтал,
Чтобы лучшею стала,

За твоё двуязычие…
И за рабскую стать.
Если даже ты с кличкой –
Всё равно ты мне мать.

Об авторе:

Курилович Мечислав Петрович. Родился 17.02.1939 г. в Гродно. По профессии врач. Работал участковым врачом в Гродненском районе, затем онкологом и по совместительству хирургом в Гродно. Последние два года (до пенсии) – хирургом в рыболовецком флоте Мурманска.

Печатался в периодической печати и в коллективных сборниках.
Автор книг поэзии: "Тутэйшы", 2006; «Прыдарожная вярба», 2008; «Вчерашние святыни», 2008; прозы: «Ліцвінка», 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Доступная и бесплатная

На гребне вспорхнувшей волны

ЗЕМЛЯ МОЯ

Литературно-художественное издание

Курилович Мечислав Петрович

Вчерашние святыни
Стихи

Редактор Юрка Голуб

Компьютерная вёрстка Алла Лавникович
Компьютерный дизайн Татьяна Марченко
Компьютерный набор Мечислав Курилович

Подписано в печать 24.06.2008. Формат 75x90/32
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Ризография
Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд. Л. 5,8
Тираж 100. Заказ 3742 «у».

Издатель и полиграфическое исполнение:
Гродненское областное унитарное
полиграфическое предприятие
«Гродненская типография».

ЛИ № 02330/0133231 от 30.04.2004 г.
ЛП № 02330/0056624 от 27.03.2004 г.

Ул. Полиграфистов. 4. 230019, Гродно

ISBN 978-985-6835-32-5
9 789856 835325